

ГОШИЗМ ИЛИ КОММУНИЗМ?

АРТЕМ ВИКТОРОВ

«Самокритика — беспощадная, резкая, доходящая до корня вещей, самокритика является живительным светом и воздухом пролетарского движения».

Целью этого рассуждения является попытка проанализировать сферу западномарксистской мысли, показав, при этом, ее фундаментальные и противоречивые расхождения с марксизмом классическим, которые, по всей видимости, долгое время были сокрыты для определенного количества левых активистов. Наряду с этим, требуется зафиксировать и то, что мы адекватно воспринимаем теоретическое наследие «неомарксизма», положительные моменты которого потенциально могут нести в себе пользу для объемной и детальной критики всех плоскостей капитализма.

Гошизм — это своеобразное понятие, подразумевающее романтическую революционность. Движения, традиционно относящиеся к гошистским, зачастую оказывались комплексным объединением самых разнообразных политических векторов левого радикализма (в основном это были анархисты и троцкисты). Мы же, наоборот, применяем это понятие скорее для характеристики общей тенденции еврокоммунистического переосмысления марксизма, почему и будем рассматривать феномен «новых левых» не в отрыве от данного понятия.

Сегодня довольно тяжело внятном образом определить конкретный исторический момент зарождения неомарксистских исследований, однако истоки их доступно прослеживаются в тесной связи с идейно-теоретической концепцией австромарксизма (нач. XX-го в.) — трансформированной социал-демократии (так, например, среди идейных лидеров австромарксизма существовали личности вроде Виктора Адлера — основателя Социал-демократической партии Австрии).

«Нигде не были организации пролетариата так всецело отданы на службу империализма, нигде не переносилось так безропотно военное положение, нигде не была так задавлена пресса, так задушено общественное мнение, не была так абсолютно прекращена экономическая и политическая борьба рабочего класса, как в Германии» — Роза Люксембург.

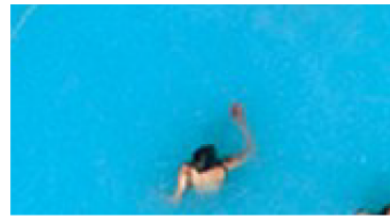
Пытаясь закабалить возмущенный пролетариат оградительными рамками соглашательской политики, европейские социал-демократические организации неоднократно утверждали собственную противоположность традиционному марксизму. В пример возьмем Филиппа Шейдемана, премьер-министра Германии от социал-демократов, по активному предложению которого, были разорваны дипломатические отношения любого характера с Советской Россией (судя по всему, из-за того, что большевики, отстаивая марксистскую, революционную тактику, ориентировали массы на дальнейшее расширение революционной борьбы). По словам Владимира Ленина («Что делать?»), последователями умеренной социал-демократии (Эдуард Бернштейн) «отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась теория классовой борьбы, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.».

Как мы видим, скверное отношение к основополагающим принципам марксизма способствовало отказу социал-демократии от революционных методов преобразований общественной формации, а основную роль в политике стал играть реформистский подход поступательной демократизации существующего государственного аппарата буржуазии на основе расширения его социальной, экономической ответственности, и путем интеграции

лево-ориентированных деятелей в состав господствующих (или по крайней мере влиятельных) институтов правительства. Подобные представления о практической реализации социализма получили свое зарождение, пожалуй, в рамках политической концепции «государственного социализма» Фердинандо Лассаля («Рабочая программа»), общественно-экономические воззрения которого в свое время составили интегральную часть плана германской социал-демократической партии. Преступлением, по отношению к Марксу и Энгельсу, в данной идеалистической системе взглядов, являлось сохранение существующей свободной конкуренции, корпоративной собственности на сферы производства и (как итог) неизменного диктата капитализма. Действительным же моментом, вскрывшим все оппортунистические язвы социал-демократии, стала Первая мировая война. «Забыв все основные положения, заветы и решения интернациональных конгрессов, как раз в тот момент, когда они должны были быть применены на практике, она, к своему несчастью, вспомнила о завещании Маркса и извлекла его из пыли истории, как раз для того, чтобы украсить им прусский милитаризм, на борьбу с которым Маркс готов был отдать все до последнего издыхания». В невозможности создать современную государственную форму для классового господства пролетариата, немецкая социал-демократия сгруппировала все свои силы ради поддержания мира между конфликтующими сторонами общества, агитируя пролетариат вставать на защиту буржуазно-капиталистического хозяйства и прикрывая все эти реакционные ликования терминологической атрибутикой «защиты немецкой нации», «немецкой культуры»: «Если свобода Европы будет спасена, то этим Европа будет обязана, — конечно, когда война уже будет закончена, — силе немецкого оружия. Враг, против которого главным образом направлена наша борьба, является смертельным врагом всякой свободы и всякой демократии».

В 1914 г. Владимир Ленин писал: «...долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений» — и далее — «с чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий — в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент

величайшей всемирно-исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889-1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств».

Теперь мы видим с вами существенное расхождение социал-демократического политиканства и научной концепции марксизма. Все это было продемонстрировано исключительно для закладки стержневой «стройности» предстоящего рассуждения о «неомарксизме». Мы понимаем теперь: «Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения».

«Демократ, — (т. е. революционный мещанин) говорит Маркс, — выходит также непорочно из самого позорного положения, насколько невинно он туда попадает; с приобретенным убеждением, что он должен победить, но не потому, что он и его партия отступят от своей старой точки зрения, но, наоборот, потому что переменяются обстоятельства».

Процесс политического размежевания внутри несхожих прочтений устройства капитализма пошел дальше, в те области оппортунистических противоречий, когда дремлет главное и просыпается второстепенное. В 1923 г. Карл Грюнберг, член Социал-демократической партии Австрии и представитель автсромарксизма, становится первым директором созданного во Франкфурте-на-Майне независимого Института социальных исследований (принявший потом вид т.н. неомарксистской «Франкфуртской школы»). Будучи влиятельной разновидностью неомарксизма, междисциплинарная критическая теория Франкфуртской школы базировалась на диалектико-гуманистической трактовке антропоцентристских работ раннего Маркса (напр. «Экономическо-философские рукописи 1844 г.») осмысляя, переосмысляя и реконструируя как центральные, на то время, представления о социализме марксизма-ленинизма, так и вполне устоявшиеся предметы марксизма классического.

Учреждение данного центра в буржуазном государстве предполагало институциональное отделение теории рабочего движения от политики, с чем, например, вся группа марксистских мыслителей довоенного периода никогда бы не согласилась. Западные марксисты же не считали нужным подвергать всесторонней ревизии саму политическую систему буржуазного правления и ничего не говорили (конкретным образом) о практических способах ниспровержения капитализма. «В результате западный марксизм в целом, когда дело касалось вопросов не метода, а содержания, всецело сосредоточивался на изучении надстройки».

При этом отношении, ядром аналитических обзоров Франкфуртской школы становилось существование некой абстрактной человеческой личности, обобщенной во взаимоотношении ее с массовой индустрией культуры. Схематично такая линия мотивировалась через работы немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера («Что зовется мышлением?»; «Бытие и время. Письмо о гуманизме»), который являлся учителем одного из виднейших (вместе с Теодором Адорно и Максом Хоркхаймером) представителей Франкфуртской школы — Герберта Маркузе, что, надо сказать, частично объединяло их неомарксизм с Экзистенциалистским марксизмом Жан-Поля Сартра и Мориса Мерло-Понти. «Марксистская теория фактически сместилась ближе к современным немарксистским и идеалистическим системам взглядов».

Стало быть, заключим, что для неомарксистов сам марксистский фундамент был в первую очередь специфической вариацией гуманистического мировоззрения. Такой путь был в корне ошибочным, поскольку не существует человеческой сущности или природы в отрыве от производственных отношений. Эссенциализм исследовательского неомарксизма предполагал вовсе не материалистический взгляд на развитие мира. Именно так, интерпретируя и трактуя научные марксистские понятия через призму феноменологической антропологии, неомарксисты вымыли почву из-под ног и осудили себя на разработку дальнейших концептов уже совершенно в отрыве от исторического материализма и научного подхода к изучению общества.

«Отойдя от дел, Хоркхаймер дошел до позорной апологетики капитализма» — Перри Андерсон.

Так, принцип, задавший негативное восприятие диктатуры пролетариата, которую социал-демократия отвергла в пользу рационалистически-либерального гуманизма личности и которая благосклонно привела их в оппозицию к коммунистам, по той же самой причине философского мифа мы наблюдаем и в векторном моделировании взглядов неомарксистских групп, особым (идеологическим) образом фиксирующих нечто реально существующее в назначенной исторически-временной ситуации развития капиталистических структур и отношений, но лишь поверхностно, вовсе не научно, анализирующих их подлинную причинность.

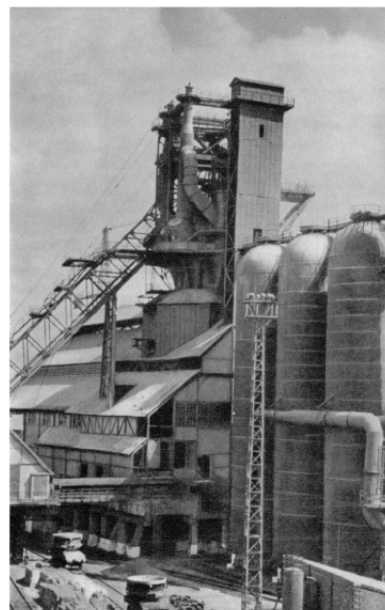
«Мой метод анализа, исходным пунктом которого является не человек, а данный общественно — экономический период...» — Карл Маркс.

Встает логичный вопрос: правомерно ли тогда неомарксисты ссылались в своих трудах на Маркса? Для того ли они это делали, чтобы спекулятивно восстановить теоретическую «связь» с его философией? На самом деле нет. Скорее это вопрос о неравенстве истоков. Разрыв между критической теорией неомарксизма и более классическим подходом к социализму (собственно, сам марксизм) — есть разрыв (1845—1846 г.) в творческой траектории между ранним, антропологическим («К критике гегелевской философии права»; «Тезисы о Фейербахе»; «Немецкая идеология»), и поздним, сциентистским («К критике политической экономии»; «Капитал»), Марксом. Ранний Маркс наследовал гегелевский идеализм и гуманизм Фейербаха. Влияние подобных контемплаций первоначальных трудов Маркса становится заметно, в первую очередь, у Георга Лукача (напр. в «Истории и классовом сознании» (хотя с годами он все же признавал свои ошибки на страницах предисловий)), а затем и у более поздних представителей западного марксизма (напр. Будапештская школа, члены которой или отказались от революционной модели социализма, перейдя на реформистские позиции, или вообще отбросили учение Маркса). Тем самым, заблуждения неомарксистов ныне представляются результатом попытки приписать Марксу гегелевский дух под влиянием его собственных же (ранних) заблуждений, развивая эти заблуждения и паразитируя на них (и тут становится совершенно очевидно, почему, например, Франкфуртская школа свела диалектический материализм Маркса и Энгельса к гегелевской диалектике).

«Спор о ранних работах Маркса есть прежде всего спор политический. Нужно ли напоминать, что работы молодого Маркса, история которых была в общем и целом достаточно удачно описана и проинтерпретирована уже Мерингом, были эксгумированы социал-демократами и использованы как аргумент против теоретических позиций марксизма-ленинизма?»
— Луи Альтюссер.

Вовсе не выдвиганием политических «переосмыслений», вовсе не мнимыми адаптациями теории к современным реалиям капитализма, не пустым усложнением тезисов полнится пролетарское движение, но исконно-революционным изучением Марксизма, с позиций диалектического и исторического материализма. «Улучшение» Марксизма при помощи политических альтернатив, на деле решительно не учитывает того самого просто факта, «что капитализм вовсе не в эпоху автоматизации продемонстрировал, что он не способен удовлетворить общественные потребности человека, а сделал это еще 100 лет назад». Идеологические аппараты должны быть уничтожены вихрем пролетарского авангарда, чтобы родилось чистое, сознательное воплощение задач и целей революции. Смерть буржуазному мышлению!

«Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско»
— Владимир Ленин.